

Борис Склярчук

Один день с классиком

Это было в середине сентября 1968 года. Я работал в Доме народного творчества. В Ульяновске проходила декада культуры Армении, и мне поручили опекать представителей изобразительного искусства. Некоторая беспечность молодости позволила ослушаться начальство, когда гости намекнули, что хорошо бы побывать у Платова. Начальство мне: «Что ты собираешься делать? Съездить к Платову? Ну что ты, туда нельзя!» В те годы считалось неприличным задавать лишние вопросы. Если бы мне объяснили, что намечается приезд в Прислонику представителей Министерства культуры, конечно, мы бы не поехали. Но была мода на великие тайны...

Мы рассудили: «Платов - живой человек. Приедем, поклонимся, поговорим, будет занят - уедем». С этими легкими мыслями и отправились в путь. Когда подъехали к знаменитому дому, я боялся даже подойти к воротам... И вдруг увидели, как Аркадий Александрович идет с улицы. Начали объясняться, что привезли армянских товарищей, и он засуетился. «Неожиданно, - говорит, - вы приехали. Сегодня суббота, женщины у меня занимаются уборкой... Давайте сейчас съездим в лесок, в Армении нет лесов, одни камни, я был у вас. Там поговорим, а здесь пока наведут порядок». Почему он так волновался? Потом объяснил. Он был в гостях у Сарьяна в Армении, и можно себе представить, как там его принимали!

Как он выглядел? Совершенно неприметный человек: рубашка какая-то серенькая, навывпуск, подпоясана тоненьким ремешком, невыразительный картуз. Но удивил Платов активностью, мгновенной реакцией. Меня Платов поразил тем, насколько он честен, правдив в творчестве, рассуждениях. В те годы мы привыкли таить личное мнение. А он рассказывал о сильных мира сего, например, так.

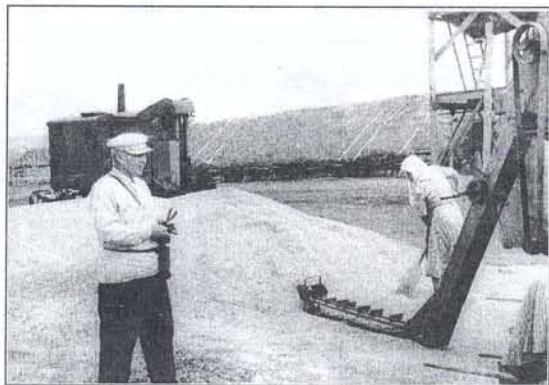
В 50-е годы один из армянских художников Н. написал картину «Ленин принимает ходоков из Армении». Неизвестно, был ли подобный исторический факт, но картина такая появилась. Н. показывает ее выставкам. Из 30 членов 12 голосуют «за». Значит, картина не проходит. Идет второй тур голосования. И снова эта картина получает 12 голосов. В перерыве автор говорит Аркадию Александровичу: «Послушай, Аркаша, что ты не хочешь проголосовать за мою картину?». Платов ему: «Ты деньги получил за нее?» - «Получил». - «Чего ж тебе еще надо?» - «Хочу, чтобы картина висела на выставке». - «А до выставки она не дотягивает. Хочешь, объясню причины? Но мнение менять не могу».

Тогда Н. позвонил Ворошилову, тот дал указание председателю выставкома. Третий тур голосования. Председательствующий: «Товарищи, мы невнимательно отнеслись к работе Н., нам нужна эта тема». Проголосовали «за». Платов говорит: «А при чем тут Ворошилов? Одно дело с шашкой наголо впереди конницы... В искусстве шашкой не помашешь, искусство - вещь деликатная».

Или пример с картиной «Весна». Естественная женская красота, целомудрие, святость... Но не нравится руководящим товарищам банька: «такого в советской деревне не может быть». И картине предлагают другое название, типа «В старой деревне» или «Из прошлого». К «Ужину трактористов» последовала следующая поправка: «Не может быть такого скудного ужина». Платов тут же: «Курочку уже съели, а косточки не видны за рамой».

Платов признавался: «Был я грешен один раз - написал «Ленин в Разливе». Но образ мне не удался. Потому что человека этого я не знал, не наблюдал в жизни, фотокарточки и жалкие кинокадры не дают полного впечатления. А я все время пишу с натуры».

Зашла речь о преемственности. Платов отвечает, что плохи дела с учителями в искусстве. Зачастую в преподаватели идут те, кто не достиг высот творчества. Надо учить не сумме ремесленных знаний, а нравственным основам, и на первое место ставить честность, искренность, художественность, наконец - умение строить композицию, способность живо писать.

Потом в его мастерской, где лежали целые горы этюдов, мы были буквально ошарашены могучей работоспособностью этого уже немолодого человека. Любовались ныне знаменитыми портретами односельчан. Не было вычурности в композициях. Смотрели лица живых, уважающих себя стариков - богатырей, хитрецов, неповторимых женщин, детей. Показал знаменитые записные книжки, где делал зарисовки для будущих картин - кладезь!

Меня поразил натюрморт с грибами. Это было так сочно, хлестко, широкой кистью написано и настолько точно по цвету, свежо. В музыке бываете: взял фальшивую ноту... Нет, в его живописи не было фальшивых нот.

Мы провели целый день в Прислонице, и меня не покидало чувство вины за отнятое у художника время, но он нас не отпускал, пригласил в горницу и хорошо, по-платовски, угостил. Какая была чудесная деревенская еда! Не обманлось и без русской водочки. У Платова стояла рюмка обманка, с наперсточек. Звучали длинные кавказские тосты...

Делегация, которую в этот день планировали направить к Платову, почему-то не появлялась. И вдруг она подоспела к столу. Один из двоих, со звездой Героя на груди, задекларировал: «Дорогой... Мы - послы из Москвы». Мне сразу вспомнился «дорогой, глубокоуважаемый шкаф»... Человек не понимал, что мудрец видит его ужимки насквозь. Речь продолжалась: «Приближается второй съезд российских художников, мы просим Вас прочитать доклад»... Платов: «Прошу за стол. Кстати, о докладе: чего это вы нашли такого древнего старика? У меня не хватит энергии». Он не хотел соглашаться с чужими позициями и деликатно избегал двойственности.

Я понял, что пора уезжать... Больше я такого человека в своей жизни не встречал. Благодарен судьбе за то, что ослушался начальство и увидел живого классика.